

Изъ лѣтописи
Жорбегин.

XLIV.

Объ источникахъ.

Древняя исландская сага посвящена исторіи отдѣльныхъ исландскихъ родовъ и повѣствуетъ собственно только о домашнихъ дѣлахъ исландцевъ. Возникшая позже фантастическая сага—*lygisaga*—относится большей частью къ области народно-эпического вымысла, въ то время какъ историческій моментъ въ ней отступилъ на задній планъ. Но наряду съ этими сагами слагались и рассказы, захватывающіе болѣе широкій кругъ историческихъ воспоминаній и касающіеся событій, происходившихъ въ тѣхъ странахъ, съ которыми исландцы поддерживали болѣе или менѣе оживленныя сношенія: прежде всего въ Норвегіи, потомъ въ Даніи, Гренландіи, на Ферейскихъ и Оркадскихъ островахъ. Саги о норвежскихъ событіяхъ естественно сводились къ повѣствованіямъ объ отдѣльныхъ короляхъ. Нѣкоторыя такія саги были записаны довольно рано: такъ мы имѣемъ двѣ обработки саги о королѣ Олафѣ, сынѣ Тригви, изъ которыхъ одна вышла изъ подъ пера Олда, жившаго во второй половинѣ XII вѣка, другая принадлежитъ Гунлаугу, умершему въ 1218 г. Сагой о Гаральдѣ Прекрасноволосомъ пользовался и ученый Ари, когда составлялъ исторію Исландіи. Впрочемъ, уже Семундъ Сигфуссонъ (1056—1133) составилъ обзоръ всѣхъ норвежскихъ королей, который однако до насъ не дошелъ. Кромѣ этихъ извѣстныхъ записей въ исландскихъ сагахъ нерѣдко встрѣчаются ссылки и на другіе рассказы о норвежскихъ короляхъ, о происхожденіи и судьбѣ которыхъ никакихъ свѣдѣній до насъ не дошло. На основаніи вышеупомяну-

тыхъ данныхъ мы можемъ заключить, что къ XIII вѣку уже существовали саги о всѣхъ выдающихся норвежскихъ короляхъ.

Тогда возникаетъ мысль собрать многочисленные рассказы въ одно цѣлое, расположивъ отдѣльные эпизоды въ хронологическомъ порядкѣ. Подобныя попытки поддерживались и тѣми генеалогическими списками, по которымъ родословная норвежскихъ королей возводилась до самаго Одина. Но еще до возникновенія такихъ сборниковъ, обнимающихъ царствованіе нѣкоторыхъ королей, уже сага о каждомъ отдѣльномъ королѣ носила сводный характеръ. Въ особенности въ этомъ отношеніи посчастливилось Олафу Святому. Вскорѣ послѣ его смерти о немъ стали рассказывать разныя чудеса, а впоследствии монахи не преминули увеличить число легендъ о немъ. Около 1160 г. объ этомъ королѣ была составлена большая сага, являющаяся собраніемъ популярныхъ о немъ рассказовъ. Изъ рукописей, которыя содержатъ саги о норвежскихъ короляхъ, самыя главныя — *A'grip af Noregs Konungasögum*, *Fagrskinna* и *Morkinskinna*. Первое заглавіе придумано издателями, при чемъ *agrip* переводъ латинскаго слова *compendium*; послѣднія названія указываютъ на внѣшнее состояніе, въ которомъ находились эти рукописи, когда Торфеусъ пользовался ими: *Fagrskinna* красовалась въ роскошномъ переплетѣ, въ то время какъ пергаментныя листы *Morkinskinna* уже сильно пострадали отъ разрушительнаго дѣйствія времени. Всѣ эти сборники представляютъ собой сплошную компиляцію безъ проявленія какой бы то ни было самостоятельности по отношенію къ обработанному матеріалу. Даже слогъ ихъ неровенъ; изложеніе то подробно, то сжато въ зависимости отъ разнообразія использованныхъ сагъ. Нельзя даже сказать, чтобы составители старались связать отдѣльные рассказы между собою. Отъ одного царствованія къ другому не дѣлается никакого перехода, кромѣ пустого упоминанія того, что послѣ такого то сталъ управлять государствомъ такой то; такъ перечисляется одно событіе за другимъ, нанизывается одинъ рассказъ къ другому. О художественныхъ достоинствахъ не можетъ быть и рѣчи.

Вотъ въ какомъ положеніи находилась исландская историографія, когда Снорри предпринялъ свой замѣчательный трудъ — исторію норвежскихъ королей, начиная отъ Одина и кончая, какъ и всѣ сборники до него, 1177 годомъ. *Heimskringla*—«Кругъ міра» сочиненъ между 1220 и 1230 годами. Прежде всего предстояло сдѣлать осмысленный выборъ между различными ходячими тогда версиями, т.-е. произвести работу, которую современный изслѣдователь называетъ критикой источниковъ. Затѣмъ не только нужно было установить хронологическій порядокъ событій, но и найти причинную ихъ связь, разобраться въ многочисленныхъ подробностяхъ, выяснитъ себѣ общій характеръ народныхъ движеній. Тогда только сборище отдѣльныхъ разсказовъ утратило свой хаотическій видъ и превратилось въ прагматическую исторію Норвегіи. Понятно, Снорри врядъ ли справился бы съ этой задачей, если бы кромѣ сагъ не пришли бы ему на помощь такія пособія, какъ пѣсни скальдовъ, генеалогическіе списки и труды предшественниковъ, на которые онъ самъ указываетъ въ своемъ предисловіи. Однако главное достоинство труда Снорри вовсе не заключается въ этихъ подготовительныхъ работахъ. Снорри—художникъ. Изъ пергаментной пыли сухихъ записей и анекдотическихъ отрывковъ его воображеніе создаетъ живую картину прошлаго. Снорри обладаетъ рѣдкимъ даромъ оживлять давно умершихъ историческихъ лицъ и заставить ихъ говорить свойственнымъ имъ языкомъ. Смѣлой, но твердой рукой Снорри рисуетъ контуры изображаемой имъ личности. Поэтому его исторія отличается сильнымъ драматическимъ напряженіемъ разсказа. Описанныя имъ катастрофы рушатся на читателя съ силой шекспировской трагедіи. Снорри сравнивали съ Фукидидомъ. Только новѣйшее время, пишетъ Юнсонъ, опять произвело подобныхъ Снорри изобразителей историческихъ событій.

Отъ прежнихъ бездушныхъ сборниковъ исторія Снорри отличается не въ меньшей мѣрѣ и тѣмъ, что въ каждой строкѣ проглядываетъ личность автора. На наше счастье онъ не былъ ревностнымъ христіаниномъ. Это обстоятель-

*

ство спасло объективность его труда. Христианство благодаря своей побѣдѣ говорило за себя. Искренне оцѣнить язычество, изобразить приверженцевъ старой вѣры въ ихъ гордомъ самосознаніи, въ ихъ субъективной правотѣ, могъ только человекъ, въ душѣ еще таившій горячее къ нимъ сочувствіе. Таковъ и былъ Снорри. Онъ настоящій норвежецъ древнѣйшаго покроя. Онъ раздѣляетъ всѣ хорошія и всѣ худыя качества своего народа. Онъ замѣчательно хорошо умѣлъ устроить свои дѣла и послѣ смерти оказался богатѣйшимъ человекомъ Исландіи. Мы застаемъ его въ постоянныхъ раздорахъ съ сосѣдями и родственниками, причемъ онъ вмѣсто утомительнаго судебного процесса иногда прибѣгалъ и къ болѣе рѣшительной расправѣ. Его враги убили его въ концѣ концовъ. Онъ былъ падохъ до женщинъ; много у него было дѣтей, но далеко не всѣ отъ одной жены. Одновременно онъ вступаетъ въ сношенія съ норвежскимъ королемъ Гакономъ и съ его ярломъ Скули. Когда король довѣрилъ ему свои властолюбивые замыслы насчетъ Исландіи, то Снорри одинъ рѣшается спасти свою родину. Желая предотвратить опасность личнаго вмѣшательства короля въ исландскія дѣла, Снорри становится его уполномоченнымъ, его ярломъ, и берется устроить подчиненіе Исландіи мирнымъ путемъ. Въ залогъ своей вѣрности онъ даже отдаетъ своего сына. Тѣмъ не менѣе онъ сближается и дружится также со Скули, который тайно задумалъ возстать и ниспровергнуть короля. На родинѣ же Снорри только и старается объ упроченіи старыхъ порядковъ, о воскресеніи и поддержаніи прежняго духа. Для молодыхъ скальдовъ онъ пишетъ руководство — свою Эдду, чтобы оживить пониманіе національной поэзіи. Во время языческаго праздника іола онъ устраиваетъ большія пиршества по обычаю старины. Его домъ зовется Валгаллою и окруженъ земляными валами, какъ крѣпость. Когда онъ отправляется на народныя собранія, его сопровождаетъ внушительный отрядъ въ 900 всадниковъ. Снорри мнитъ себя могучимъ родоначальникомъ временъ племеннаго быта. Его идеаль въ прошедшемъ. Это-то и отразилось въ его историческомъ трудѣ. Его любимѣйшіе герои —

борцы за старую вѣру, самостоятельныя могучія личности— въ родѣ него самого.

При такихъ данныхъ легко могло случиться, что идеализація получилась бы односторонняя, въ пользу языческихъ симпатій автора. Но этому поставилъ предѣлъ самый фактъ безусловнаго признанія христіанства. Насколько однако вопросъ объ этой коренной культурной перемѣнѣ былъ дорогъ Снорри, доказывается не только самимъ изложеніемъ, но и тѣмъ обширнымъ мѣстомъ, которое авторъ отводитъ на изображеніе борьбы язычества съ христіанствомъ. Одна сага объ Олафѣ Святомъ занимаетъ добрую треть всего труда. Этимъ мы вовсе не упрекаемъ Снорри въ неправильномъ пониманіи своей задачи. Мы думаемъ, что и современный историкъ усматриваетъ въ этой смѣнѣ двухъ міросозерцаній главное значеніе даннаго времени.

Наряду съ религіозной борьбой шло еще подчиненіе единовластному королю старыхъ родоначальниковъ. И этому признаку времени Снорри отдаетъ должное вниманіе. Опять его сочувствіе на сторонѣ побѣжденныхъ. Несомнѣнно его изображеніе отъ этого выиграло только въ полнотѣ и цѣльности. Подъ перомъ фанатика-христіанина или придворнаго лѣтописца сторонники язычества и старой независимости или совсѣмъ затерялись бы, или же представлялись бы въ чудовищно страшномъ видѣ для вящаго прославленія побѣдителя. Въ этомъ отношеніи мы должны признать, что исторія Снорри отличается объективностью, которую врядъ ли можно найти у другихъ писателей среднихъ вѣковъ.

XLV.

Поѣздки норвежскихъ королей.

Поѣздки въ Біармаландъ не принадлежали собственно къ тѣмъ первостепеннымъ историческимъ явленіямъ, изображать которыя Снорри поставилъ себѣ цѣлью. Поэтому мы и не вправѣ ожидать отъ него подробнаго описанія подобныхъ предпріятій. Мнѣ кажется, что въ расчеты Снорри входило говорить о Біармаландѣ только тамъ, гдѣ

поѣздка совершалась самимъ королемъ или касалась обще-государственной политики.

Такой походъ предпринялъ Эйрикъ, сынъ и наслѣдникъ Гаральда Прекрасноволосаго. Его мать, будучи родомъ изъ Даніи (af Jótlandi), называлась Рагнхильдой Великой — Ragnhildr hin ríka. Свое прозвище она оправдала уже тѣмъ, что заставила Гаральда устранить другихъ женъ, числомъ девять ¹⁾. Самъ Эйрикъ заслужилъ названіе blodöx = кровавая сѣкира, за ту жестокость, съ которой онъ убивалъ своихъ братьевъ и враговъ, чтобъ добиться единовластія надъ Норвегіей. Его потомство въ свою очередь отличалось воинственностью и неусыпной дѣятельностью. Поэтому становится весьма вѣроятнымъ то, что Снорри рассказываетъ о многихъ поѣздкахъ Эйрика. Едва ему исполнилось двѣнадцать лѣтъ, какъ отецъ даритъ ему пять военныхъ кораблей. На нихъ онъ объѣзжаетъ берега Балтійскаго и Сѣвернаго морей, огибаетъ Шотландію, заворачиваетъ на югъ мимо Ирландіи и пристаётъ къ берегамъ Франціи. Послѣ такого всеобъемлющаго путешествія, продолжавшагося цѣлыхъ восемь лѣтъ, программа казалась исчерпанной. Тогда Эйрикъ собирается въ Біармаландъ. Тамъ онъ одерживаетъ большую побѣду. Находясь же на возвратномъ пути онъ остановился въ Финмаркѣ, гдѣ люди его увидѣли въ одной изъ хижинъ красивую дѣвицу. Она назвала себя Гунхильдой (Gunnhildr) и увѣряла, что отецъ ея жилъ въ Галогаландѣ, по имени Özurg Toti. Она де пріѣхала въ Финмаркъ въ дебри (á mögkinní), чтобы учиться у финовъ колдовству. Два фина стерегутъ ее ревниво; оба въ нее влюблены. Гунхильда предлагаетъ норманамъ убить обоихъ финовъ и поэтому прячетъ ихъ въ хижинѣ. Когда фины, возвратившись съ охоты, погрѣлись у костра и насытились, Гунхильда собирается спать вмѣстѣ съ ними. Сама она ложится по срединѣ и руками обхватываетъ каждога изъ финовъ. Послѣдніе вскорѣ засыпаютъ. Тогда она встаетъ и надѣваетъ имъ на головы по самыя руки мѣшки изъ моржовой шкуры. По-

¹⁾ Нкр., стр. 63.

томъ она зоветъ спрятанныхъ нормановъ, чтобы они покончили съ фидами. Утромъ норманы возвратились къ кораблямъ, взявъ съ собой Гунгильду. Эйрику она очень понравилась, и онъ направилъ свои корабли въ Галогаландъ къ ея отцу. У него онъ формально просилъ руки дочери и справивъ свадьбу, уѣхалъ далѣе на югъ ¹⁾).

Въ Эгильсагъ ²⁾ упоминается о той же самой поѣздкѣ, потому что въ ней участвуетъ и Торольфъ, сынъ Скаллагрима. Онъ помѣщался на носу корабля и держалъ знамя ³⁾). Этотъ рассказъ ничего не знаетъ о пребываніи Гунгильды въ Финмаркъ, за то просто въ ней говорится, что Эйрикъ во время этой поѣздки женился на ней ⁴⁾). Такъ оно вѣроятно и было. Эйрикъ на возвратномъ пути изъ Біармаланда заѣхалъ погостить къ Озура и увидѣвъ его дочь, недолго думая, взялъ ее въ жены. Злые языки впоследствии обозвали ее колдуньей. Fjölknúg mjök—такъ характеризуетъ ее и Эгильсага.

Если исходить изъ хронологіи Эгильсаги, то поѣздку въ Біармаландъ приходится отнести къ 913—4 гг. Но это противорѣчило бы даннымъ королевскихъ сагъ, которыя заставляютъ насъ помѣщать это событіе уже въ болѣе позднее время. Мункъ остановился на 919 г., а Вигфуссонъ на 922 г. Ионсонъ въ своемъ критическомъ изданіи Эгильсаги ⁵⁾ высказываетъ предположеніе, что Торольфъ вовсе не участвовалъ въ походѣ Эйрика; упоминаніе его въ этой связи могло явиться повтореніемъ рассказа о Торольфѣ, сынѣ Квельдольфа, который сражался въ войскѣ Гаральда при Гафрсфіордѣ. О немъ также говорится, что онъ находился на носу корабля ⁶⁾). Такое объясненіе вполне оправдало бы хронологическую ошибку Эгильсаги и дало бы намъ право всецѣло положиться на опредѣленія королевскихъ сагъ. Мнѣ кажется, что Эйрикъ былъ слишкомъ

¹⁾ Нкр., стр. 72—3.

²⁾ Глава XXXVII, стр. 109.

³⁾ var í stafni à skipi hans ok bar merki hans.

⁴⁾ í þeirri ferd fekk han Gunnhildar, dóttur Qzurar Tota.

⁵⁾ Стр. XLIII.

⁶⁾ þar var í stafni þórolfr Kuelldúlfsson...

занять норвежскими дѣлами, чтобы отлучаться въ столь далекое путешествіе съ тѣхъ поръ, какъ отецъ передалъ ему одному власть надъ всей страной. А послѣ смерти Гаральда, которая послѣдовала три года спустя, Эйрикъ сталъ ссориться со своими братьями и вскорѣ ему совсѣмъ пришлось уѣхать изъ Норвегіи. Поэтому начало едино-властія Эйрика (930 г.) или во всякомъ случаѣ годъ смерти Гаральда (933 г.) даетъ намъ вѣрный предѣлъ ad hoc для поѣздки Эйрика въ Біармаландъ. Какъ уже выше сказано, ученые склонны относить ее ко времени около 920 г. Когда Гаральду минуло 50 лѣтъ, то онъ раздѣлилъ царство между своими сыновьями. Тогда Эйрику достался въ удѣлъ между прочимъ и Галогаландъ. Последняя страна уже своимъ географическимъ положеніемъ вызывала смѣлыхъ людей на поѣздки на сѣверъ и далѣе. А тутъ еще Снорри поясняетъ, что вслѣдствіе раздѣла Норвегія была разбита на небольшія области, и братья, недовольные этимъ, стали совершать разбойничьи походы въ чужіе края ¹⁾. Раздѣлъ Норвегіи произошелъ въ 920 г.; поэтому походъ Эйрика въ Біармаландъ могъ состояться только между 920 и 930 гг. ²⁾.

Понятно, при этомъ опредѣленіи совершенно упущено изъ виду свидѣтельство Эгильсаги объ участіи Торольфа. Но если это приуроченіе и явная ошибка, то нечего пренебрегать нѣкоторыми другими подробностями, сохраненными Эгильсагой. Такъ, напримѣръ, Эгильсага ссылается еще на старинныя пѣсни объ Эйрикѣ, которыя служили источникомъ для составителя саги. Далѣе говорится, что въ этой поѣздкѣ случилось много происшествій. Эйрикъ имѣлъ большое сраженіе на берегахъ Двины и одержалъ побѣду ³⁾. Вообще, эта поѣздка пользовалась извѣстностью. Снорри знаетъ только одну поѣздку; Эгильсага утверждаетъ,

¹⁾ en med því at þeir þóttust hafa lítit ríki þá fóru þeir í hernað. Hkr. стр. 74.

²⁾ Относительно хронологическихъ данныхъ слѣдуетъ справиться у Вигфуссона, Um tímatal...

³⁾ í ferð þeirri var mart til tíðenda. Eiríkr átti orrostu mikla á Bjarmalandi við Vínu. fekk Eiríkr þar sigr, sva sem segir í kveðum hans.

что Эйрикъ каждую весну предпринималъ «свои» поѣздки въ Біармаландъ, — «свои», т.-е. знаменитыя поѣздки ¹⁾). Ему сопутствовало много народу ²⁾). И въ гѣсняхъ, въ которыхъ говорится о дѣянiяхъ Эйрика и которыя приписываются скалду Glúmr Geirason, упоминается о нѣсколькихъ поѣздкахъ Эйрика. Поэтому весьма возможно, что Эйрикъ удовольствовался не однимъ походомъ, а поддерживалъ болѣе частыя сношенiя съ Біармаландомъ.

Послѣ того, какъ Эйрикъ палъ въ бою въ Англии, Гунгильда начинаетъ проявлять жажду дѣятельности и власти. Вмѣстѣ со своими сыновьями она переселяется въ Данію и начинаетъ интриговать противъ норвежскаго короля Гакона ³⁾). Послѣ нѣкоторыхъ неудачныхъ попытокъ она своимъ подстрекательствомъ все-таки достигаетъ намѣченной цѣли. Неожиданно на Гакона нападаетъ большой датскій флотъ подъ предводительствомъ сыновей Эйрика. Самъ прислужникъ Гунгильды—skósvéinn—какъ думаютъ, убилъ Гакона ⁴⁾). Послѣ этой побѣды королемъ становится старшій изъ сыновей Эйрика—Гаральдъ заячій мѣхъ—Hagaldr gráfeld. Прозвище указываетъ на то, что Гаральдъ велъ усердную торговлю мѣхами, при чемъ не стѣснялся скупать даже самые дешевые мѣха—заячьи ⁵⁾). Снорри неоднократно подчеркиваетъ алчность и скопидомство семьи Эйрика. Его сыновей называли эгоистами—sínkir и даже ходили слухи о томъ, что они закапывали драгоценности въ землю ⁶⁾). Братъ Эйрика Біернъ до того дѣятельно предавался торговлѣ, что заслужилъ презрительное названіе шкипера и купца—fargmann eða kaupmann. Онъ сидѣлъ въ главномъ тогда торговомъ городѣ Норвегіи—Тунсбергѣ и снаряжалъ товарныя корабли (kaupskip) въ разные края ⁷⁾). За такое корыстолюбіе народъ возненавидѣлъ весь родъ Эйрика,

¹⁾ eitt hvert vár bjó Eiríkr blóðöx for sína til Bjarmaland.

²⁾ vandadi mjök líd til þeirar ferðar.

³⁾ Нкр., стр. 89.

⁴⁾ Нкр., стр. 106.

⁵⁾ Нкр., стр. 116—7.

⁶⁾ Нкр., стр. 111.

⁷⁾ Нкр., стр. 76.

тѣмъ болѣе, что въ царствованіи Гаральда наступили голодовки ¹⁾). Больше всѣхъ винили Гунгильду, потому что она управляла собственно всѣмъ и принимала участіе во всѣхъ совѣщаніяхъ, если не руководила дѣлами ²⁾). Когда Снорри говоритъ о какомъ нибудь правительственномъ предпріятіи, то дѣйствуетъ не король, а Гунгильда и ея сыновья—(Gunnhildr ok synir или Gunnhildar synir. На ея полновластное положеніе какъ нельзя лучше указываетъ прозвище, данное ей народомъ: konungamóðir=мать королей ³⁾). Вся отвѣтственность за благосостояніе страны, за кровавыя расправы съ внутренними врагами, за смерть любимаго Гакона Добраго и другихъ родственниковъ Эйрика-- заваливалась, и конечно не безъ основанія, на Гунгильду. Поэтому о ней стали ходить въ народѣ разныя слухи. Говорили, что она колдунья. Сложился рассказъ, что она училась у самихъ финовъ, что Эйрикъ вывезъ ее изъ Финмарка, когда ѣздилъ въ Біармаландъ.

Гаральдъ, старшій сынъ Эйрика и Гунгильды, не даромъ носилъ свое прозвище—заячій мѣхъ. Кому, если не ему, необходимо было ѣздить въ Біармаландъ. Очевидно. Снорри не зналъ, къ какому времени приурочить это событіе, и весьма неловко, вѣтъ всякой связи, отодвинулъ его упоминаніе къ концу царствованія Гаральда. На этомъ основаніи Винфуссонъ относитъ этотъ походъ Гаральда къ 965 г. за четыре года до его смерти. Отъ Снорри мы узнаемъ только то, что произошло большое сраженіе съ біармійцами на прибрежныхъ холмахъ Двины—á Vinubakka. Норманы, понятно, одержали вверхъ и убили много народу ⁴⁾. Гаральдъ затѣмъ опустошилъ страну и добылъ себѣ много добра ⁵⁾. На этотъ разъ Снорри цѣликомъ приводитъ стихъ Глума, того же скальда, который воспѣлъ и поѣзку Эйрика. «На востокъ я видѣлъ, какъ красно-рѣчиивѣнный изъ князей опустошалъ пламенемъ деревни,

¹⁾ Вкл., стр. 223.

²⁾ Вкл., стр. 222 и 223.

³⁾ Вкл., стр. 223.

⁴⁾ Naga-óðr, saga Haralds Á. Вкл., стр. 222.

⁵⁾ Naga-óðr, saga Haralds Á. Вкл., стр. 222 и 223.

напавъ съ сѣверной стороны, и видѣль, какъ бѣжали ополченія біармійцевъ; громкую славу приобрѣль на берегахъ Двины міротворецъ народовъ; воинская похвала досталась въ этой поѣздкѣ юному королю».

Слова *ödlingi ungunn* указываютъ, что поѣздка была предпринята королемъ въ молодые годы. Итакъ время этой поѣздки зависитъ отъ того, къ какому году мы отнесемъ поѣздку Эйрика и связанную съ ней женитьбу его. Правда, это соображеніе имѣетъ значеніе лишь въ томъ случаѣ, если Эйрикъ женился на возвратномъ пути изъ Біармаланда. Если поѣздку Эйрика отнести къ 920 годамъ, то Гаральду, старшему сыну Эйрика, къ 965 г., было бы больше 40 лѣтъ и его нельзя было бы считать молодымъ. Предполагая болѣе позднее время для похода Эйрика, въ связи съ моими соображеніями выше, все же возрастъ Гаральда не подходилъ бы подъ опредѣленіе скальда. Возможно также, что эпитетъ скальда лишь поэтическая прикраса, которая не должна быть понимаема, какъ историческое свидѣтельство. Если же вѣрить скальду то болѣе правильно отнести поѣздку Гаральда къ первой половинѣ X вѣка ¹⁾.

Стихотвореніе, а равно и общія соображенія наводятъ насъ на мысль, что эти экспедиціи должны были быть весьма опустошительными. Отеръ не поднимался еще по Двинѣ и вѣроятно съ туземцами не враждовалъ. Орварь-Оддъ только ночью выходитъ на берегъ и лишь случайно сталкивается съ болѣе многочисленной толпой народа. Эйрикъ и Гаральдъ идутъ прямо войной на Біармаландъ, собравъ войско, неся впереди знамя. Они не только сражаются на берегахъ Двины, но опустошаютъ страну на большомъ разстояніи — *herjadi þá víða um landit*. Эйрикъ и Гаральдъ—единственные короли Норвегіи, которые сами предпринимали поѣздки въ Біармаландъ. За то они при-

¹⁾ Незадолго передъ своимъ паденіемъ (въ 969 г.) Гаральдъ называется старикомъ: *Haraldr konungr er nú gamall mjök* (Нкр., стр. 132); слѣдовательно, Гаральдъ и въ 965 г. былъ старымъ. Опредѣленіе Вигфуссона во всякомъ случаѣ находится въ противорѣчій съ пѣсней скальда.

надлежали къ особенно алчному роду. Они, если можно такъ выразиться, еще не созрѣли для занятія трона единовластнаго короля Норвегіи. Въ нихъ еще кроется старый викингъ, который главнымъ образомъ заботится объ умноженіи своего богатства. Только этимъ объясняется, что они рѣшались отлучаться изъ своего государства въ столь далекую поѣздку. Слѣдующіе короли не могутъ дозволить себѣ подобныя развлечения. Они заняты устройствомъ своей страны, упроченіемъ своей власти. Врядъ ли Снорри пришлось бы еще разъ упомянуть о Біармаландѣ, если бы не внутренніе раздоры. Старая вражда герсовъ къ королю еще разъ вспыхнула яркимъ пламенемъ и вызвала на борьбу всѣхъ, въ томъ числѣ и послѣдній оплотъ старины—могучіе роды отдаленнаго Галогаланда. Предпринимается послѣдняя, отчаянная попытка свергнуть съ себя ненавистное иго. Мѣсто дѣйствія переносится на далекій сѣверъ, и на арену великихъ историческихъ событій выступаютъ путешественники въ Біармаландѣ.

XLVI.

Ториръ Собака.

Первыхъ полтора ста лѣтъ норвежской исторіи обнимаютъ борьбу королевской власти съ независимыми герсами. У южныхъ германцевъ короли были необходимы въ качествѣ вождей и военачальниковъ; они олицетворяли національное единство; имъ на встрѣчу шло римское понятіе государственности. Выступая на арену исторіи, германскія народности уже вполнѣ примирились съ монархической властью и видѣли въ своемъ королѣ не столько своего владыку, сколько источникъ собственнаго благоденствія. Въ Швеціи и Даніи единовластіе упрочилось при другихъ условіяхъ. Здѣсь его установленіе стало дѣломъ семейнымъ. Внутреннее развитіе подготовило единеніе. Закономѣрный земледѣльческій трудъ вызывалъ желаніе мира и притуплялъ страсть къ племенной враждѣ. Въ Норвегіи же вся общественная жизнь сводилась къ непримиримому эгоизму герсовъ; между ними господствовало самое ожесточенное со-